

О Д И Н

Однин...
Однин...
Раскаленный,
Натянутый
Провод.
Однин...
Путеводная
Тонн-кая
Нить...
Однин...
Качался
От каждого
Слова...
Однин...
По лицам,
Со свистом,
Всем телом
Однин...
Однин...
Врезаясь
В белые
Пятна.
Однин...
Среди пятен
Все большие
И больше
Однин...

Однин...
Сжимался
Вытя-
Гиваясь,
Сжимался
В однин...
Единн-
Ственный
Звук:
Однин...
Однин...
Не таким,
Не такимм
Находить.
Пойми.
Однин...
И стекают
Лица
Со звоном:
Однин...
Однин...
Прилепиться?
Скатиться?
По лицам?
И вниз?
Не прилепишься.
Слишком уж
Тонок и
Однин...
Однин...

В этом
Твердом
Воздухе...
Провод.
Шнур
Бикфордов.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Пальцы старушечьи
Слиты молитвою,

Перстью дрожащею,
Углой щепоткою,

В горсточку сжатыми
Веры крупицами

Мечутся истово
Пальцы иссохшие.

„Смертию смерть поправ!”
Детское пение

Стоном ликующим
В небо взрывается,

Благословенная
Весть Воскресения.

Пальцы прозрачные
В синь окунаются.

ПЕРЕСТРОЙКА

По вечерам у гастронома,
Усевшись на сыром бревне,
Пьют пиво злые гегемоны,
И вроде счастливы вполне.

* * *

Пульсируют тонкие нити
Всегда ускользающих строк.
Моим непрерывным открытием,
Надеждой последнюю — Бог.

ПРИТЧА О ВСЕЛЕНСКОМ СОБОРЕ

Фундамент Собора заложен был
Давно, до начала истории,
Когда еще люди не думали,
Что строят Вселенский Собор.

У древних, наверное, не было
Единого плана строительства,
Единственного Архитектора,
Но был у них — общий язык.

Тогда им казалось: возводится
Собор для всего человечества
С фундаментом, прочно закопанным,
И крышей, растущей вверх.

Собор для людей был Вселеною,
Бесчисленные поколения
Рождались на свет, умирали в нем,
И в смерти с Собором росли.

Еще и сейчас попадаются
Пещеры, где тысячелетия
Священный обряд Вознесения
Секретноправляли жрецы.

Забыт ритуал этих праздников,
Рисунки на стенах истерлися,

И даже то место утеряно,
Где была Святая Святых.

Теперь языки перемешаны,
И самый процесс созидания
Остался лишь частью традиции
Как нудный Сизифовий труд.

Забыта уже цель строительства.
Собор, где мы жизнь свою прожили
Растет с удивительной скоростью,
Все больше мертвяя внутри.

Верховные наши начальники
Тюрьму в подземелье устроили,
И слышно теперь все отчетливей,
Как где-то внизу, в глубине

Озлобленные заключенные
Испытывают круглосуточно
Невиданной силы оружие.
И гулко трясется Собор.

СРЕДИ ВЕЩЕЙ И ГОЛОСОВ

* * *

Сегодня приснилось, что я умирал:
В груди разорвалась хрустящая ткань,
Хрип вылетел в воздух и, как бumerанг,
Ко мне возвратился обратно в горгани.

Я плыл в пузыре тишины наугад:
Зародыш в плаценте, разбухший от слов,
Пузырь мой теченьем наружу несло,
Я умер, но я возвращаюсь назад.

И вдруг чей-то голос пузырь проколол...

Я все чаще теперь замечаю,
Стонет только на миг отвернуться,
Как знакомые с детства предметы
С мест сдвигаются и осторожно
Подползают почти что вплотную,
За спину стоят полукругом,
Словно ждут лишь сигнала к атаке...

Видно, кто-то командует ими.

Иногда захватить удается
Их врасплох, и на долю секунды
Краем глаза я в зеркале вижу,
Как с ленивым презрением над полом
Зазевавшийся стул проплывает,
Или шкаф поднимается в воздух
И готовится прыгнуть на плечи...

Я стою, не могу шелохнуться.

Мои вещи совсем обнаглели:
Не хотят на места возвращаться,
Их границы почти исчезают,
Все кругом начинает вертеться
И наматываться мне на череп
Торопливо скользкой веревкой...

Жить становится очень опасно.

Вот вчера, например, целый вечер
Наблюдал за ножом перочинным,
Он прикинулся мертвым вначале,
Но меня так легко не обманешь,
Через пару часов я заметил:
Свет на лезвии начал дымиться,
Нож забился, как будто в падучей,
И пополз на меня потихоньку...

Хорошо, я тогда убежал.

А теперь голоса появились,
Они были, конечно, и раньше,
Но вели себя, в общем-то, тихо,
Но сейчас, как крикливые бабы,
Без умолку визжат и пллюются,
Кулаками стучат истерично
Изнутри в черепную коробку...

Я себя перестал уже слышать.

Неуклюжим магнитом в щетине
Голосов и предметов враждебных
Я стою, растопыривши руки,
И пытаюсь понять их движенье.
Клочки света по комнате пляшут,
В голове моей шум нарастает,
Барабанную рвет перепонку.
Все быстрее врачаются вещи...

Но об этом никто не узнает.

* * *

Стеною.
Серою.
Сплошною.
Одиночество.

Стеною.
Серою.
Цементною.
Стеной.

Слепого.
Палкою.
В застывшей.
Белой площади.

Крадется.
Медленно.
Как нищий.
За спиной...

КАРАСС*

* * *

Монету в щель,
И голос возникает,
Змею вьется
В трубке телефонной,
Мне жало в ухо
Нежно выпуская,
Крадется к мозгу
Голосок влюбленный.

Тотем моего каасса —
Жираф с головой в небесах.
Инерция жизни, масса
Событий каасс унесла.

Разбросан каасса остов
По трем континентам земли.
Россия, Израиль, Бостон...
Мы, как семена, проросли.

Сквозь лица, сквозь робкую память
Всплывает каасс изнутри:
Над нашими головами
Созвездье Жирафа горит.

Как все оказалось просто
Решается кем-то за нас.
Россия, Израиль, Бостон...
По миру разбросан каасс.

.....

* Каасс — это группа людей, объединенных общей судьбою.

* * *

У входа в воронку, друг друга толкая,
Ныаем, как чаинки, как черные точки,
Бессмысленно кружимся и, набухая,
На дно опускаемся. Поодиночке.

Запрокинуты
Губы неистовые
Над серым
Морем голов.
Над серым
Морем неискренних,
Застывших
Серых голов.
Запрокинуты
Губы фанатика
Словно рупор
На длинном столбе
Равномерно
Взрываюсь проклятыми,
Фанатик кричит
Те — бе!

Скулы сухие
Обрублены
И впиваются в лица:
Пора!
„Пора!” кричит порами
Рупора
Последний фанатик
Порааа-а!
И швыряет
Бульжники слов

В изможденные
Серые лица.
По застывшему
Морю голов
Мой последний фанатик
Дробится
На тысячи
Маленьких слов.
Равномерно
Взрываюсь
Опять и опять,
Но спокойно
Море голов
И в нем криком
Волны не поднять.
Даже если
Весь выльешься в крик!
Только длинные,
Твердые
Пальцы
Из серых голов
Прорастают.
И тянутся
Длинные пальцы,
Как щупальцы,
Тихо качаясь.
Тянутся
Пальцы дрожащие
В слепые
Глаза фанатика,

Над морем
Враждебным
Висящие,
Слепые глаза
Распятые
На тысяче
Твердых
Щупальцев,
Застывших
Тысяче —
Руким крестом!
И тянется море
Тысячерукое,
Тысячью
Щупальцев
Прямо в лицо.
Тянется
Серое море.
Заполняет рот,
Пересохший,
Измученный,
Заполняет
Глазные впадины
Море,
Серое море
Голов
И щупальцев.

И вминает
В костлявое

Тело
Две огромных
Прозрачных
Руки.
Он сжимается
Весь,
До предела.
Выливается
В вождий
Крик.
Крик вливается
В серые лица –
Отвращением,
Просябой,
Проклятием.
И до крови
Кричит
И дробится
Мой фанатик,
Упавший
С распятия.

* * *

За Енисеем, за инеем синим
В тихом свете затерянный скит.
У иконы стареющий инок
Иступленно поклоны творит.

В тихом свете купается келья.
На полу лист бумаги, печать:
„Был вчера под Иркутском расстрелян
Адмирал Александр Колчак.”

Черной птицей распластана ряса
Божий инок к иконе прирос.
И в глаза ему грустно и ясно
Улыбается строгий Христос.